

ХАРУКИ
МУРАКАМИ

ОХОТА
НА ОБЕЦ

МОСКВА
2021

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
HITSUJI O MEGURU BOKEN
Copyright © Haruki Murakami, 1989

Перевод с японского *Дмитрия Коваленина*

Серия «Мураками-мания»
Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Серия «Pocket book»
Оформление серии *Андрея Саукова*

Фото на обложке:
Blanscape / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мураками, Харуки.

М91 Охота на овец / Харуки Мураками ; [перевод с японского Д. В. Коваленина]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-115783-8 (Pocketbook)

ISBN 978-5-04- 114216-2 (Мураками-мания)

«О ее смерти мне сообщил по телефону старый приятель...»

Так начинается «Охота на овец» — пожалуй, самое странное путешествие по закоулкам современного мира и человеческого сознания, придуманное легендой современной литературы — японским писателем Харуки Мураками. Этот роман стал абсолютным мировым бестселлером: «охота на овец» в наших душах не закончится никогда!

Итак, позвоните в полицию, спросите адрес и номер телефона семьи, затем позвоните семье и узнайте дату и время похорон. А после, в назначенный день, садитесь в пригородную электричку от станции Васэда. И надейтесь, что охота будет удачной...

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-115783-8
(Pocketbook)
ISBN 978-5-04- 114216-2
(Мураками-мания)

© Д. Коваленин, перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

25.11.1970 г.

Пикник среди недели

О ее смерти мне сообщил по телефону старый приятель, наткнувшийся на случайные строчки в газете. Единственный абзац скупой заметки он членораздельно зачитал прямо в трубку. Заурядная газетная хроника. Молоденький журналист, едва окончив университет, получил задание и опробовал перо.

Тогда-то и там-то такой-то, находясь за рулем грузовика, сбил такую-то. Вероятность нарушения служебных обязанностей, повлекшего смерть, выясняется...

Как рекламный стишок на задней обложке журнала.

— Где будут похороны? — спросил я.

— Да откуда я знаю? — удивился он. — У нее вообще была семья-то?

Разумеется, семья у нее была.

Я позвонил в полицию, спросил адрес и номер телефона семьи, затем позвонил семье и узнал дату

и время похорон. В наше время, как кто-то сказал, если хорошо постараться, можно узнать что угодно.

Семья ее жила в Старом городе, Ситамати. Я развернул карту Токио, отыскал адрес и обвел ее дом тонким красным фломастером. То был действительно очень старый район на самом краю столицы. Ветвистая паутина линий метро, электричек, автобусов давно утратила какую-либо вразумительную четкость и, вплетенная в сети узких улочек и сточных каналов, напоминала морщины на корке дыни.

В назначенный день пригородной электричкой от станции Васэда я отправился на похороны. Не доезжая до конечной, вышел, развернул карту токийских пригородов и обнаружил, что с равным успехом мог бы держать в руках карту мира. Добраться до ее дома мне стоило нескольких пачек сигарет, которые пришлось покупать одну за другой, каждый раз спрашивая дорогу.

Дом ее оказался стареньким деревянным строением за частоколом из бурых досок. Нагнувшись, я через низенькие ворота пробрался во двор. Тесный садик по левую руку, похоже, был разбит без особой цели, «на всякий случай»; глиняную жаровню, брошенную в дальнем углу, на добрую пядь затопило водой давно прошедших дождей. Земля в саду почернела и блестела от сырости.

Она убежала из дома в шестнадцать; видно, еще и поэтому похороны прошли очень скромно, словно украдкой, в тесном домашнем кругу. Семья состояла из одних стариков, и то ли родной, то ли сводный брат, мужчина еле за тридцать, заправлял церемонией.

Отец, низкорослый, лет пятидесяти с небольшим, в черном костюме с траурной лентой на груди, стоял,

подпирая дверной косяк, и не подавал ни малейших признаков жизни. Взглянув на него, я вдруг вспомнил, как выглядит дорожный асфальт после только что схлынувшего наводнения.

Уходя, я отвесил безмолвный поклон, и он так же молча поклонился в ответ.

* * *

Впервые я встретился с ней осенью 1969 года; мне было двадцать лет, ей — семнадцать. Неподалеку от университета была крохотная кофейня, где собиралась вся наша компания. Заведеньице так себе, но с гарантированным хард-роком — и на редкость паршивым кофе.

Она сидела всегда на одном и том же месте, уперев локти в стол, по уши в своих книгах. В очках, похожих на ортопедический прибор, с костлявыми запястьями — странное ощущение близости вызывала она во мне. Ее кофе был вечно остывшим, пепельницы неизменно полны окурков. Если что и менялось, то лишь названия книг. Сегодня это мог быть Мики Спиллейн, завтра — Кэндзабуро Оэ¹, послезавтра — Аллен Гинзберг... В общем, было бы чтиво, а какое — неважно. Перетекавшая туда-сюда через кофейню студенческая братия то и дело оставляла ей что-нибудь почитать, и она трескала книги, точно жареную кукурузу, — от корки до корки, одну за другой. То были времена, когда люди запросто одалживали книги друг другу, и, думаю, ей ни разу не пришлось кого-то этим стеснить.

¹ Кэндзабуро Оэ (р. 1935) — японский писатель, испытавший в своем творчестве влияние экзистенциализма, лауреат Нобелевской премии (1994).

То были времена «Дорз», «Роллинг Стоунз», «Бёрдз», «Дип Пёрпл», «Муди Блюз». Воздух чуть не дрожал от странного напряжения: казалось, не хватало какого-нибудь пинка, чтобы все покати-лось в пропасть.

Дни прожигались за дешевым виски, не особо удачным сексом, ничего не менявшими спорами и книжками напрокат. Бестолковые, нескладные шестидесятые со скрипом опускали свой занавес.

Я забыл ее имя.

Можно бы, конечно, раскопать ту газетную хро-нику с сообщением о ее смерти. Только как ее зва-ли — мне сейчас совершенно не важно. Я не помню, как ее имя когда-то звучало. Вот и все.

Давным-давно жила-была Девчонка, Которая Спала С Кем Ни Попадя... Вот как ее звали.

Конечно, если всерьез разобраться, спала она во-все не с кем попало. Не сомневаюсь, для этого у нее были какие-то свои, никому не ведомые критерии.

И все же, как показывала действительность лю-бому пристальному наблюдателю, спала она с пода-вляющим большинством.

Только однажды, из чистого любопытства, я спросил у нее об этих критериях.

— Ну-у, как тебе сказать... — ответила она и за-думалась секунд на тридцать. — Конечно, не все равно, с кем. Бывает, тошнит при одной мысли... Но знаешь — мне просто, наверное, хочется успеть узнать как можно больше разных людей. Может, так оно и приходит ко мне — понимание мира...

— Из чьих-то постелей?

— М-м...

Наступил мой черед задуматься.

— Ну и... Ну и как — стало тебе понятнее?

— Чуть-чуть, — сказала она.

С зимы 69-го до лета 70-го я почти не виделся с ней. Университет то и дело закрывали по разным причинам, да и меня самого порядком закрутило в водовороте личных неприятностей.

Когда же осенью 70-го я заглянул наконец в кофейню, то не обнаружил среди посетителей ни одного знакомого лица. Ни единого — кроме нее. Как и прежде, играл хард-рок, но неуловимое напряжение, наполнявшее воздух когда-то, испарилось бесследно. Только паршивый кофе, который мы снова пили, так и не изменился за год. Я сидел перед нею на стуле, и мы болтали о старых приятелях. Многие уже бросили университет, один покончил с собой, еще один канул без вести... Так и поговорили.

— Ну а сам-то — как ты жил этот год? — спросила она.

— По-разному, — ответил я.

— Стал мудрее?

— Чуть-чуть.

В эту ночь я спал с нею впервые.

Я ничего толком не знаю о ней, кроме того, что когда-то услышал — то ли от кого-то из общих знакомых, то ли от нее самой в постели между делом. Еще старшеклассницей она вдрызг разругалась с отцом и сбежала из дому (и, понятно, из школы) — точно, была такая история. Но где жила и чем перебивалась — этого не знал никто.

Дни напролет она просиживала на стульчике в рок-кафе, поглощая кофе чашку за чашкой, выкуривая одну сигарету за другой и перелистывая страницу за страницей очередной книги в ожидании момента, когда наконец появится какой-нибудь собеседник, который заплатит за все эти кофе и сигареты (не ахти какие суммы для нас даже в те дни) и с которым она, скорее всего, и уляжется этой ночью в постель.

Вот и все, что я знал о ней.

Так и сложилось: с той самой осени и до прошлого лета раз в неделю, по вторникам, она приходила ко мне в квартирку на окраине Митака. Ела мою нехитрую стряпню, забивала окурками пепельницы и под хард-рок по «Радио FEN» на полную катушку занималась со мной любовью. Утром в среду, проснувшись, мы гуляли с ней в маленькой рощице, постепенно добредали до студенческого городка и обедали в местной столовой. Уже после обеда пили жиденький кофе на открытой площадке под тентами и, если погода была хорошей, валялись в траве на лужайке и разглядывали небеса.

«Пикник среди недели», — называла это она.

— Каждый раз, когда мы приходим сюда, я чувствую себя будто на пикнике.

— На пикнике?

— Ну да. Куда ни глянь — трава. У людей вокруг счастливые лица...

Стоя в траве на коленях, она испортила несколько спичек, прежде чем наконец прикурила.

— Солнце подымается, потом садится; люди появляются и исчезают... Время течет, как воздух, — все как на настоящем пикнике, ведь правда?

Я доживал свой двадцать первый год, через две-три недели мне исполнялось двадцать два. Ни надежды в ближайшее время закончить университет, ни причины бросать его на полдороге. На распутье сомнений и разочарований уже несколько месяцев кряду я не решался сделать ни шага в жизни.

Мир вокруг продолжал вертеться — только я, казалось, совершенно не двигался с места. Что бы ни являлось моим глазам в ту осень 70-го — все окутывалось странной дымкой печали, все сразу и с катастрофической быстротой увядало, теряя цвет. Лучи солнца, запах травы, еле слышный шелест дождя — и те раздражали меня.

Неотвязно меня преследовал сон о ночном поезде. Всегда один и тот же. Поезд, полный табачного дыма и туалетной вони, набитый людьми так, что не продохнуть. В вагоне, где яблоку негде упасть, заблеванные простыни липнут к телу. Не в силах терпеть, я подымаюсь с полки, протискиваюсь к дверям и схожу на случайной станции. Местность заброшенна и пустынна — ни огонька. На станции не видать даже стрелочника. Ни часов, ни расписания — ничего... Такой вот сон.

В то время, мне кажется, я во многом подходил ей. Пусть нелепо и болезненно, но был нужен ей именно таким, каким был. В чем подходил, чем был нужен — сейчас уже не припомню. Может, я был нужен лишь себе самому — и не больше, но ее это ничуть не смущало. А может быть, она просто так развлекалась, — но чем именно? Как бы там ни было, вовсе не жажда ласки-нежности притягивала меня к ней. И сейчас еще, стоит вспомнить ее, возвращается ко мне то странное, неопишуемое ощущение. Одиночества и печали — словно от прикосновения

чьей-то руки, вдруг протянутой сквозь невидимую в воздухе стену.

Тот странный вечер 25 ноября 1970 года я помню отчетливо и сегодня. Сбитые ливнем листья гинкго в нашей роще выкрасили желтым узенькую тропинку, вышедшую из берегов, как река в паводок. Сунув руки в карманы курток, мы бродили по останкам тропы туда и обратно. В мире не было ничего, кроме шороха двух пар обуви по палым листьям да резких выкриков птиц.

— Слушай, что с тобой происходит? — спросила она внезапно.

— Так... Ничего особенного, — ответил я.

Пройдя немного вперед, она села на обочину и закурила. Я присел рядом.

— Тебе снятся плохие сны?

— Постоянно. Просто кошмары какие-то. Особенно — про автомат с сигаретами, который сдачу не отдает...

Рассмеявшись, она положила ладонь на мое колено. Потом убрала.

— Не хочешь говорить, да? Ни словечка?

— Как-то не говорится... Ни словечка.

Она бросила недокуренную сигарету на землю, благословитанно притоптала кроссовкой:

— Самое болезненное никогда не высказать толком... Ты об этом?

— А, не знаю! — сказал я.

Глухо фыркнув крыльями, две птицы вспорхнули с земли, и ослепительно чистое небо всосало их в себя без остатка. Некоторое время мы молча следили за тем, как они исчезают. Затем, подобрав сухую ветку, она принялась вычерчивать на земле какой-то неясный узор.

— Когда я сплю с тобой... Мне бывает ужасно грустно.

— Это я виноват... Я знаю.

— Дело тут не в тебе... И даже не в том, что ты вечно думаешь о другой, когда обнимаешь меня. Это — пускай, как угодно. Я... — Оборвав внезапное откровение, она провела на своем узоре три длинные параллельные линии. — Н-не знаю.

— Понимаешь... Я вовсе не собираюсь от тебя отгораживаться, — сказал я после паузы. — Просто я и сам никак не могу уловить, что происходит. Так хотелось бы научиться понимать все вокруг — беспристрастно, как можно спокойнее. Чтобы и в облаках не витать, и на лишнее время не тратить... Но все это требует времени.

— Сколько времени?

Я покачал головой.

— Откуда я знаю? Может, год, а может, и десять.

Она отбросила прутик и, поднявшись с земли, стряхнула приставшие к куртке травинки.

— Послушай... А тебе не кажется, что десять лет — это очень похоже на вечность?

— Да, наверное, — ответил я.

Выбравшись из рожи, мы дошли до студенческого городка, уселись, как обычно, под тентами в летнем кафе и захрустели сосисками. Ровно в два часа пополудни на экране телевизора вдруг с ненормальной частотой замельтешили то лицо, то фигура Юкио Мисимы¹. С громкостью было что-то неладно,

¹Юкио Мисима (Хираока Кимитакаэ (1925–1970) — японский писатель, лидер одной из национально-шовинистических группировок. В 1970 г. совершил публичную церемонию харакири в знак протеста против «утраты Японией самурайского духа», вызвав мощную волну выступлений ультраправых по всей стране.

и мы не могли разобрать, в чем дело, — да и, по большому счету, в те минуты нам все было до лампочки. Мы съели сосиски и выпили еще по кофе. Какой-то студентик, взгромоздившись на стул, долго вертел ручкой громкости, пытаясь наладить звук, но потом отчаялся, слез со стула и куда-то исчез.

— Я тебя хочу, — сказал я.

— О'кей, — улыбнулась она.

Мы сунули руки поглубже в карманы и побрели ко мне.

Проснувшись вдруг, я увидел, что она беззвучно плачет. Только худенькие плечи-крылышки чуть заметно вздрагивали под одеялом. Я разжег огонь в камине и взглянул на часы. Два часа ночи. Луна зияла в небе мертвенно-бледной дырой.

Я дождался, пока она выплечется, вскипятил воды, разболтал в двух чашках пакетики, и мы стали пить чай. Я раскурил сразу две сигареты и передал одну ей. Глубоко затянувшись, она тут же закашлялась; это повторилось трижды и привело ее в страшное возбуждение.

— Послушай, тебе никогда не хотелось меня убить?

— Тебя?..

— Да.

— Зачем ты спрашиваешь?

Не вынимая изо рта сигареты, она закрыла глаза и кончиками пальцев потеряла веки.

— Так... Ни за чем.

— Ну и незачем! — сказал я.

— Правда?

— Правда. За каким чертом мне тебя убивать?

— Да, действительно... — кивнула она с усилием. — Просто я вдруг подумала... Может, было бы

вовсе не плохо, если бы кто-то меня убил. Так вот — во сне...

— Кто угодно, только не я. Я не смог бы убить человека.

— В самом деле?

— Ну, насколько я себя знаю...

Рассмеявшись, она вдавила окурок в пепельницу, одним глотком допила оставшийся чай и закурила новую сигарету.

— Поживу до двадцати пяти, — сказала она. — А там и умру.

Умерла она в двадцать шесть в июле 78-го.